

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi:10.18503/2658-3186-2024-8-1-67-76

Интерпретации категории «уральская идентичность» в русской художественной и документально-публицистической прозе XX–XXI вв.

Мая Леонидовна Бедрикова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, mlbedrikova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2555-8452>

Аннотация. Статья посвящена проблеме уральской идентичности, традиционно исследуемой в этнографии, лингвистике, истории, психологии, филологии, наряду с вопросами «русский архетип», «русский характер», «русская / славянская душа». Автор анализирует интерпретации понятия «уральская идентичность» на материале преимущественно прозаических произведений XIX–XXI вв. об Урале и людях уральского склада в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, литературе 2010–2020-х гг., романе-хронике В. Катаева «Время, вперёд!» (1932/1933), мемуарах американского рабочего Дж. Скотта о Магнитострое (записи 1941 г.), документально-публицистическом издании Л. Лузина «Поколение-62» (2010). Анализ интерпретаций уральской идентичности проводится в аспекте соотношения образа России с образами людей, предметами, картинами, связанными с Уралом. Новизна исследования заключается в анализе смыслов в интерпретациях уральской идентичности в отечественной литературе XX–XXI вв. и анализе интерпретаций русского характера в беллетристической, документально-публицистической прозе XXI в. Методология статьи складывалась из сочетания историко-сравнительного, биографического и типологического методов исследования в литературоведении. Вопрос уральской идентичности потребовал обращения к методам смежных гуманитарных наук и результатам исследований стереотипов поведения, традиций, ментальности россиян, проводившихся на рубеже XX–XXI вв. отечественными психологами (Психологический институт РАН), применявшими теоретические аспекты изучения сознания больших групп населения и собственно психологические методы.

Ключевые слова: национальная идентичность, уральская идентичность, русский характер, Урал, Магнитогорск, В. Катаев «Время, вперёд!», Дж. Скотт «За Уралом», Л. Лузин «Поколение-62»

Для цитирования: Бедрикова М. Л. Интерпретации категории «уральская идентичность» в русской художественной и документально-публицистической прозе XX–XXI вв. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 67–76. doi: 10.18503/2658-3186-2024-8-1-67-76

LITERARY STUDIES

Original article

Interpretations of the category “Ural identity” in Russian artistic and documentary-journalistic prose of the XX-XXI centuries

Maya L. Bedrikova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, mlbedrikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2555-8452>

Abstract. The article is devoted to the issue of “Ural identity”, traditionally investigated in ethnography, linguistics, history, psychology, philology, along with the questions: “Russian archetype”, “Russian character”, “Russian/Slavic soul”. The author analyzes interpretations of the concept of “Ural identity” based on material mainly prose works of the XIX–XXI centuries about the Urals and people of the Ural character in the works of D. N. Mamin-Sibiriyak, literature of the 2010–2020s, the chronicle novel by V. Kataev “Time, forward!” (1932/1933), the memoirs of the American worker J. Scott about Magnetostroy (records 1932–1938), L. Luzin's documentary and journalistic publication Generation-62 (2010). Interpretations' analysis of Ural identity is carried out in the aspect of correlating the image of Russia with images of people, objects, paintings associated with the Urals. Research novelty lies in the analysis of meanings in interpretations of Ural identity in domestic literature of the XX–XXI centuries and the interpretations analysis of Russian nature in fiction, documentary and journalistic prose of the XXI century. The methodology of the

© Бедрикова М. Л., 2024

article was based on a combination of historical, comparative, biographical and typological methods of research in literary criticism. The issue of "Ural identity" required an appeal to the methods of related humanities, to the results of studies of behavior stereotypes, traditions, mentality of Russians, held at the turn of the 20th -21st centuries by national psychologists (Psychological Institute of Russian Academy of Sciences). In this direction theoretical aspects (consciousness of large groups of the population), practical issues and psychological methods developed by the psychologists were used.

Keywords: identity, Ural identity, Russian character, the Urals, Magnitogorsk, V. Kataev "Time, forward!", J. Scott "Beyond the Urals", L. Luzin "Generation-62"

For citation: *Bedrikova M. L. Interpretations of the category "Ural identity" in Russian artistic and documentary-journalistic prose of the XX-XXI centuries, Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 67–76, (In Russ.), doi:10.18503/2658-3186-2024-8-1-67-76.*

Введение

Категория «уральская идентичность» в литературе и культуре в целом формируется через самоопределение человека, связанного с Уралом и людьми уральского склада души, в неразрывной связи с понятием «русская личность / душа» в исторической памяти народа, через осознание принадлежности к богатейшей культуре России, ее высокой духовности и идентификацию себя как ее части.

В истории отечественной литературы признанным «певцом Урала» был и остается Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) – автор известных романов «Золото» (1882), «Приваловские миллионы» (1883), «Горное гнездо» (1884) и др. Уральский характер воплощен в запоминающихся образах: Лаптева («Горное гнездо»), Сергея Привалова в романе «Приваловские миллионы», который, по замыслу Д. Н. Мамина-Сибиряка, был заключительной частью трилогии об уральских заводчиках с охватом в два столетия: XVIII в., первая и вторая половина XIX в., включая пореформенный период [1, с. 11]. Вопросы уральской идентичности в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка затронуты в статьях отечественных исследователей: М. Б. Баландиной [2], И. П. Видуэцкой [3] И. А. Дергачёва [4] и других авторов статей в сборнике материалов 2002 г., изданного к 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка [5]. Литературоведы рассматривают два аспекта уральской идентичности: индустриальный (урбанистический) и провинциальный. Исторически сложилась самобытная культура уральских мастеров, которые происходят из среды потомков старообрядцев, бежавших на Урал после раскола церкви. Несомненно, писатель идеализировал и мастеров с «крепким характером», и персонажей-заводчиков, когда наделял их качествами: «выдержка, сила воли, энергия, неизменная преданность старой вере» [2, с. 101]. М. Б. Баландина обращает внимание на фрагмент диалога Привалова с Половодовым, где герой «Приваловских миллионов» подчеркивает общерусскую черту – неприятие теории национальной исключительности: «Русский человек, как мне кажется, по своей славянской природе, чужд такого духа, а наоборот, он всегда страдал излишней склонностью к сближению с другими народами...» [2, с. 103].

После 1917 г., в ситуации социального раскола, феномен русской личности был глубоко осмыслен в отечественной религиозной мысли. Так, П. Флоренский в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия» (1918) обозначил слагаемые идентичности, размышляя о православной святине: «Лавра есть художественный портрет России в её целом, по сравнению с которым всякое другое место – не более как фотографическая карточка. В этом смысле можно сказать, что Лавра и есть осуществление или явление русской идеи <...> **Чтобы понять Россию, нужно понять Лавру**» [6]. То есть, человек узнает, воспринимает родные места, синтезируя рациональное, эмоциональное и не выразимое словом – данность, которую следует принять на веру – «**Чтобы понять Россию, нужно понять Лавру**».

В настоящей статье интерпретации категории «уральская идентичность» мы рассматриваем в аспекте соотнесения образа России с конкретным образом (человеком, предметом, картиной и т. п.), связанным с Уралом. Подходы к анализу следующие: 1) интерпретация уральской идентичности расширяет и углубляет представление о русском национальном характере, осознание личностью идентичности: «Кто мы, русские?» [7, с. 37]; 2) ясно осознаваемая идентичность русской личности чужда идее превосходства над другими народами; 3) чувство любви к малой родине опирается на пространственные образы, границы большой Родины, России-матушки, частью которой является Урал [7, с. 35]; 4) патриотическое чувство россиянина характеризует предметность – яркие, хранимые в памяти образы: эмоциональные, объемные, живописные виды родных городов и весей; 5) в наши дни, как и в прошедшие века, уральская идентичность требует внимания исследователей. Изучаемая категория соотносится с понятием «ментальность» (или менталитет). В качестве рабочего нами при-

нято определение ментальности как «интегральной характеристики людей, живущих в конкретной культуре, с их способом восприятия мира, образом мыслей, формами бытового и социального поведения» [7, с. 310]. Наиболее точно и глубоко, на наш взгляд, выразил суть Урала А. Твардовский в поэме «За далью – даль» (изд. 1960). В его поэтическом портрете Урала выявлена «уральская идентичность»:

*Урал!
Завет веков и вместе –
Предвестье будущих времён.
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он –
Урал!
Опорный край державы,
Её добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец... [8, с. 310].*

Образное восприятие выражено в нежном сыновнем, почтительном обращении поэта: в весомых словах рефрена «Батюшка-Урал» [8, с. 311]. А. Твардовский прославлял, прежде всего, красоту и силу уральцев-мастеров – оплот России.

Уральская идентичность определяется уникальными географическими характеристиками территории. Огромное пространство от Полярного до Южного Урала, между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами (Уральская горная система – свыше 2000 км); месторождениями железа, золота, серебра, медных, хромовых, никелевых руд, калийных солей, асбеста, драгоценных камней и др. Урал – главная река. Ее старое название *Яик*: в 1775 указом императрицы Екатерины II Яик был переименован в Урал [1, с. 592].

Уральский феномен часто находился в поле зрения писателей и поэтов-классиков – от М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина до авторов XX–XXI вв., обращавшихся к драматическим моментам русской истории (В. Шишков «Емельян Пугачёв» (1941–1942), Д. Фурманов «Чапаев» (1922–1923), Б. Пастернак «Доктор Живаго» (1945–1955), В. Шукшин «Я пришёл дать вам волю» (1971). Для авторов рубежа –XXI вв. Урал – это символ евразийства, «пределов», источников жизненной энергии, скрытых в подсознании современников (В. Маканин «Утрата» (1987), В. Пелевин «Чапаев и Пустота» (1996). Уральская тема ассоциируется с судьбой российской государственности. Урал – опора государства, но порой, в смутные времена, он становился убежищем для инакомыслящих, устремлявшихся подальше от столицы за поддержкой населения Урала и Зауралья. Отечественная историческая проза запечатлела походы мятежных казаков: донского атамана Степана Разина на Яик в 1667 г. и донского хорунжего Емельяна Пугачева, возглавившего восстание яицких казаков в 1773 г.

В сознании современников Урал существует как неотъемлемая часть многонациональной России. Родившийся на Алтае В. Шукшин – советский писатель, автор более сотни рассказов, десятков книг, актер и кинорежиссер, создавший запоминающиеся характеры, – глубоко постиг русский архетип («Печки –лавочки», 1972; «Калина красная», 1974; «У озера», 1970; «Они сражались за Родину», 1974). Данный архетип неслучайно осмыслен В. Шукшиным еще и в образе Степана Разина в романе «Я пришёл дать вам волю». Н. Щедрина полагает, что Степан Разин как тип относится к одной из граней русского характера: «...Неистовый, самосжигающий себя в стремлении постичь и преобразить жизнь» [9, с. 50]. В образе мятежной личности воплотилось героическое начало: «Атаман талантлив, своеобразен, дерзок и спокоен одновременно, неутомим и неистощим на выдумку, которая совершенно покоряет его войско, восхищает простые, жестокие, и вместе с тем по-детски доверчивые и, в общем-то, добрые души казаков» [9, с. 51].

В XXI в. публикуются произведения об истории Урала: роман-трилогия Е. А. Фёдорова «Каменный Пояс» (кн. 1 «Демидовы», кн.2 «Наследники», кн.3 «Хозяин каменных гор» (1940–1952). Региональный уральский материал включается в поле деятельности изданий: журнал «Урал» (с 1958 г.), альманах «Каменный Пояс» (с 1974 г.), их издатели заявляют уральскую литературу как составляющую современной отечественной литературы.

Материалы и методы

В качестве материала для нашей статьи мы выбрали прозаические произведения писателей из

разных периодов истории русской литературы. Полагаем, что внимание общества к уральскому характеру и, в целом, к русскому архетипу обычно актуализируется на определенных этапах общественного развития. В хронологическом плане это последняя треть XIX в. – время смены уклада, вступления России в период бурного капиталистического развития, и далее – время раскола, совпавшего с началом XX в., потребовавшее консолидации прогрессивных сил нации. Так, для читателей XIX в. романы Д. Н. Мамина-Сибиряка стали своего рода открытием незнакомого мира уральских тружеников, мира заводских людей с самобытными характерами, творческим отношением к нелегкому труду на заводах, их чаяниями и надеждами. Д. Н. Мамин-Сибиряк акцентировал конфликт времени – столкновение интересов уральских рабочих с интересами капитала в лице заводчиков и компаний [10].

В русской литературе советского периода уникальным явлением стала «производственная проза» 1930-х гг. Индустриализация страны нашла совершенное художественное воплощение в романе-хронике В. Катаева «Время, вперед!». В статье мы поставили задачей исследовать уральскую идентичность на примере характеров героев в романе о Магнитострое. Для выявления национального характера, в том числе уральского склада, нам необходимо было сравнить данный характер с другими национальными характерами. Мемуары Дж. Скотта «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали» позволили провести объективный анализ уральского характера в годы социалистического строительства Магнитогорска. В XXI в. к теме Урала, уральского характера обращаются писатели и журналисты. Для осмысления уральской идентичности в аспекте преемственности поколений мы проанализировали документально-публицистическое произведение Льва Лузина «Поколение-62».

В центр анализа разных по жанру текстов была поставлена литературоведческая категория «характер литературного героя». В то же время исследование интерпретаций уральской идентичности в нашей работе потребовало использования психологического термина «характер», понимаемого как «индивидуальный склад личности», «человек уральского склада». В этом случае категория «характер» позволила проанализировать особенности поведения героев в конкретной социокультурной ситуации, установки людей уральского социума в восприятии действительности.

На рубеже XX–XXI вв. специалисты Психологического института РАН разрабатывали теоретические аспекты изучения сознания больших групп населения. Результаты этих трудов мы учитывали в нашем исследовании, в частности, в трактовке содержания понятий «менталитет» и «ментальность». Соответственно применялись элементы психологических методов, в основе которых лежит психологическое наблюдение, «кросс-культурный и типологический подходы» [7, с. 306].

Обсуждение

Дискуссионный характер предмета исследования – интерпретация категории «уральская идентичность» – обусловлен стереотипами восприятия и зыбкостью границ таких понятий, как «русская душа», «русский характер», «уральский характер». Непонимание людьми представителей другой ментальности порождает своеобразную мифологию о непостижимой тайне русской души и прочее. Мы согласны с точкой зрения А. В. Сергеевой: «В русском характере можно найти такие черты и качества, которые свойственны и другим народам мира. Дело здесь, пожалуй, в особой концентрации и сочетании этих качеств, в способах их проявления, в исторических, культурных и климатических причинах их формирования» [7, с. 8]. Для постижения России необходимо узреть православные святыни в пейзаже средней полосы России, о чем говорит П. Флоренский в рассуждениях о Лавре [6].

В сознании столичных жителей люди «уральского склада» ассоциируются с населением отдалённых территорий – где-то на Уральских горах или за Уралом, что равнозначно глухой провинции. Литературоведы рассматривают «уральскую идентичность» в контексте культуры – индустриальный и провинциальный. В сознании современников Урал связан с индустриальной историей многонациональной России.

Уральская идентичность в романе-хронике В. Катаева «Время, вперед!»: индустриальная история

Уральская идентичность выявлена и художественно осмыслена в произведении «Время, вперед!» советским писателем Валентином Катаевым в психологических портретах рядовых тружеников-строителей металлургического гиганта на Урале в начале 1930-х гг. В свое время М. Горький призвал советских писателей запечатлеть грандиозную историю новых фабрик и заводов, эпоху рож-

дения советской промышленности первых пятилеток, поэтому этом повествовании важна фигура беллетриста Георгия Васильевича, описывающего в зарисовках характеры новых людей. Магнитогорский характер рождался в битве за социализм, когда труженики преодолевали и самих себя, и сопротивление суровой уральской природы (степь, неистовые ветра, резко-континентальный климат), и само время в его течении. В Катаеву удалось запечатлеть момент рождения феномена «магнитогорская идентичность». В отличие от характеристик уральской самобытности, закрепившейся в культурном сознании, магнитогорский характер почти буквально выплавлялся в тигле социалистического коллективизма, всенародном трудовом подвиге.

Роман «Время, вперед!» завершает задержанная экспозиция, в ней писатель объясняет замысел творения: *«Время действия моей хроники – двадцать четыре часа. Таким образом, композиция может быть нарушена. Получается прорыв на семь суток вперед»* [11, с. 529]. В письме спецкору РОСТА в Магнитогорске Александру Смоляну писатель комментирует эксперимент, смыслы, свое видение истории в романе-хронике. Романтический пафос 1917–1920-х гг., пережитых В. Катаевым, выразился в риторическом восклицании: *«Пусть ни одна мелочь, ни одна даже самая крошечная подробность наших неповторимых, героических дней первой пятилетки не будет забыта»* [11, с. 532]; и риторическом вопрошании: *«И разве футболка ударника <...> переходящее знамя ударной бригады, детский плакат с черепахой или паровозом и рваные брезентовые штаны не дороже для нас в тысячи и тысячи раз коричневого фрака Дантона, опрокинутого стула Демулена, фригийского колпака, ордера на арест, подписанного голубой рукой Робеспьера, предсмертного письма королевы и полинявшей трехцветной кокарды, ветхой и легкой, как сухой цветок?»* [Там же].

Черты магнитогорской / уральской идентичности осмыслены в сравнении с национальными чертами представителей других народов. Подробно раскрывает Катаев ментальность американского инженера Рая Рупа: *«Я работаю по соглашению с вашим правительством и делаю даже больше, чем должен <...> – иногда это мне стоит 48 часов не ложиться в постель. Мой труд – ваши деньги. Мы квиты. А социализм – будем видеть, будем видеть»* [11, с. 348]. Ценность «деньги» воплощена в формуле «Время-деньги», определяющей принципы, стереотипы поведения иностранного специалиста. В гл. XXXIX Рай Руп (на Магнитострое его зовут Фома Егорович) в диалоге с производственным-функционером Налбандовым это различие менталитета подчеркнуто так:

– Вавилон, Вавилон, – со вздохом заметил мистер Рай Руп, вслух отвечая на свои мысли. – **Неужели мир не прекрасен? Чего не хватает людям? <...>**

– Здесь, на этом месте, где мы сейчас стоим, через год будет социалистический город, – сказал Налбандов четко. – **Здесь будет социалистический город на сто пятьдесят тысяч рабочих и служащих.**

– Да, но разве от этого человечество сделается счастливее? И стоит ли это предполагаемое счастье таких усилий? [11, с. 404–405].

В деталях, подробностях (производственных, бытовых, психологических) изображается подвиг бригады ударников под руководством креативного инженера Маргулиеса. Среди достижений Маргулиеса описан настоящий прорыв в области технологий – плотина, которая была построена на Урале в фантастически короткие сроки в сорокаградусный мороз.

Судьба бригады зависит от нестандартного инженерного решения. Маргулиес живет «двойной жизнью»: наяву он буквально сражается с бытом, с мелкими неурядицами, но при этом параллельно течению жизни он ни на минуту не выходит из внутреннего мира прикладной математики и механики. Благодаря инженерным расчетам, исполнители-бетонщики могут распределить физические усилия между членами коллектива. В распоряжении бетонщиков время только одной рабочей смены: *«Мимо него справа налево ребята катили гуськом тяжелые, до краев полные стерлинги. Мокро грохотал бетон, сваливаемый в открытый трап опалубки. Слева направо стерлинги возвращались пустые и легкие, как детские коляски, на легких высоких колесах со множеством тонких спиц. Под колесами хрустела грязь. Встречное движение колес и людей то и дело закрывало узкий квадрат разобранной стены»* [11, с. 430–431]. В XLVII главе события на промплощадке, открытой степным ветрам, показаны автором в историческом ореоле: магнитогорский характер рождался на глазах в глобальном противостоянии «человека и Природы», «человека и Времени» – в преодолении человеком самого себя.

В восприятии Р. Рупа ценность достижений Маргулиеса соотносится с ценностью величайшего открытия *«американского волшебника Томаса Альва Эдисона, создателя электрической лампочки накаливания»* [11, с. 433]. Все свидетели рекорда ударников в течение дня ощущают неслышный «ход истории». Могучая воля уральцев, потенциал уральского характера, проявляется с особой силой в

ситуациях, когда каждый участник производственного рекорда ощущает собственную необходимость в общем деле. Ответственность за происходящее в мире, личное участие в исторических событиях Советской страны характеризует людей уральского склада.

В. Катаев расширяет представление о магнитогорской / уральской идентичности в эпизоде-описании автомобильной прогулки Р. Рупа по живописным окрестностям. В дальней казачьей станице американец рассматривает сельскую церковь и точно определяет время ее возведения («к началу восемнадцатого века» [11, с. 434]). Актуальные события автор включает в пространство культуры. У иностранца возникает литературная ассоциация, импульсом которой послужил факт русской истории. Руп занят поиском «общего знаменателя» в постижении русской идентичности. В. Катаев пишет: «...Он высказал предположение, что в этой маленькой древней еловой церкви, которая так и просится на сцену Художественного театра Станиславского, в этой самой изящной часовне с зелеными подушками мха на черной тесовой крыше, быть может некогда венчался легендарный русский революционный герой, яицкий казак Емельян Пугачев. Он заметил, что этот дикий степной пейзаж как будто бы перенесен сюда прямо со страниц «Капитанской дочки», очаровательной повести Александра Пушкина; только не хватает снега, зимы, бурана и тройки» [11, с. 434–435]. Литературоцентризм, присущий русской личности, отразился в восприятии уральского пейзажа: «снег, зима, буран и тройка» составляют парадигму пространственных образов-символов России – от края до края, с опорным Уральским хребтом, разделяющим Европу и Азию.

Возвышенное настроение, навеянное видами природы, резко сменяется урбанистическими картинками. Действие переносится в Магнитогорск, в современное административное здание, где работают американские инженеры. Читатель видит Налбандова, раздраженного местным разгильдяйством: «пятиэтажное кирпично-стеклянное здание [выстроенное в степи – М. Б] по последнему слову европейской техники» выглядит неухоженным («убухали миллион, а следить за ним не умеют») [11, с. 436]. На самом деле, почему бы Налбандову, высокопоставленному чиновнику, самому не заняться воспитанием бережного отношения к этому архитектурному творению в социалистическом городе будущего? Ответ прост: в отличие от Маргулиеса, погруженного в «математику рекорда» бригады, Налбандов чувствует свою отстраненность, он не сроднился с Магнитостроем, хотя и отдает работе значительное время жизни. Управленец контролирует ход строительства, ни на секунду не забывая о том, что на объекте в дикой степи можно быстрее всего сделать карьеру и обрести желаемые славу и почет. Он досаждает:

Разве можно было здесь строить такие здания? Пыль, смерчи, сквозняки. Стоило огород городить для того, чтобы в результате посреди какой-то, черт ее знает какой, дичайшей степи, на пересечении четырех воюющих между собой ветров, в невозможнейших, совершенно экзотических условиях – организовать это серое, скучное, бездарное советское учреждение!

– Азия, черт бы ее совсем побрал! – бормотал Налбандов. – Мировые рекорды! Демагогия! [11, с. 436].

В отличие от строителей Магнитки, этот руководитель не верит в официальный лозунг «Темпы решают все!». Нечуткость, непонимание задач момента сквозят в словах «варварская быстрота работы» [11, с. 442], что выдает высокомерие по отношению к людям, неакадемическим технологиям ускорения темпов вплоть до отказа от уникального магнитогорского опыта. Налбандов не заметил, как сам превратился в помеху на пути Маргулиеса. Он находится в состоянии крайнего раздражения от инакомыслия молодого инженера, его донимает навязчивое фантастическое видение: «Чернильница, потерявшая масштаб, стоит в пустыне комнаты, как мечеть» [11, с. 459]. В финале романа-хроники, где автор выводит на сцену героев, этого персонажа нет, ибо подобный человеческий тип лишен перспективы. Налбандов с его приверженностью к «установлениям» отстает от энтузиастов на этапах социалистического рекорда, и сам это понимает.

Таким образом, уральская идентичность в интерпретации В. Катаева дополняет характеристики русской личности такими чертами, как героизм, стойкость, коллективизм, способность к самоотверженному труду человека, вдохновленного идеей социалистического настоящего и утопической идеей построения счастливого коммунистического Будущего.

Уральская идентичность в мемуарах Дж. Скотта «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали»

Биографы Джона Скотта отмечают: «...Мемуары Джон Скотт начал писать 22 июня 1941 года, а закончил, когда немцы подошли к Москве» [12, с. 400]. Мы обратились к тексту мемуаров Дж. Скотта в русском переводе 1989 г.

Автор мемуаров описывает события, совпавшие с годами американской Великой депрессии

1929 г. Молодой американец, обучившись мастерству сварки на родине, отправился в Советскую Россию, на Урал, за новой жизнью, по сути, он убежал от безработицы, желая обрести почву под ногами за океаном. Подхваченный пафосом всеобщего энтузиазма, социалистической мечтой советских людей о преобразовании мира, Дж. Скотт полностью погрузился в работу, разделяя с русскими товарищами все тяготы быта на Магнитострое. Он выполнял сверхурочную работу сварщика с энтузиазмом. Автор создает автопортрет молодого человека – любознательного, искренне восхищающегося характером русского народа. Неслучайно в названии «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали» акцентирована оппозиция «американский» гражданин в «русском» городе (не советском или социалистическом). Ключевым является слово «сталь», заключающее в себе смыслы: «промышленный город, город-завод, выплавляющий сталь»; важно в выражении «город стали» и наименование уральского социума, объединившего людей с сильным, стальным характером.

Оглавление концептуально: в путешествии по волнам памяти расставлены своеобразные верстовые столбы (от Ч. I к Ч. X). Названия глав вполне исчерпывают впечатления Дж. Скотта: «Ч. I. Кровь, пот и слёзы; Ч. II. День в Магнитогорске; Ч. III. История Магнитогорска; Ч. IV. Путешествие по уральской крепости Сталина; Ч. V. Машиа; Ч. VI. Битва чугуна и стали; Ч. VII. Административный аппарат и чистки; Ч. VIII. Социалистический город; Ч. IX. Сцена пустует. Занавес; Ч. X. Эпилог» [12, с. 5]. Заметим, что Ч. II называется «День в Магнитогорске», что отражает особый темп жизни на Магнитострое, сравним с хронотопом романа «Время, вперёд!», где действие разворачивается всего за 24 часа. Объем текста Ч. II Дж. Скотта – 80 страниц, и это только об одном рабочем дне! Джон и его товарищ Коля – мастер бригады сварщиков, облачаются в рабочую экипировку на Магнитострое: «...Мы натянули на себя армейские рубашки, стёганные ватные штаны и куртки, теплые стеганные хлопчатобумажные брюки и поношенные овчинные полушубки, обмотали шею теплыми тяжёлыми шарфами, а на ноги надели хорошие русские “валенки” – войлочные сапоги, доходящие до колен» [12, с. 10]. Уральскую зиму автор называет «арктической», однако теплые месяцы напоминают ему родину: «Фактически магнитогорское лето напоминает лето в Вашингтоне (округ Колумбия), единственное отличие состоит в том, что в Магнитогорске оно более засушливое. Три месяца не было дождей. Для земляных работ башикры использовали верблюдов» [12, с. 65].

Конечно, этнические русские попадают в поле зрения Дж. Скотта, но реалии советской стройки таковы, что перед взором американца предстает в лицах многонациональная Россия (не «тюрьма народов»). Странно в мемуарах звучит название станицы Магнитной: Дж. Скотт называет ее «деревней Магнитной» [12, с. 55–57], он постоянно бывает там и описывает коренных жителей и новых «уральцев». О ком бы ни говорил американский рабочий, он констатирует черту уральской идентичности – особенность положения Урала между Востоком и Западом. Дж. Скотт наблюдал советских людей в течение пяти лет, уральская идентичность органично совмещалась в его восприятии с русской идентичностью, русским характером: «Чтобы построить Магнитогорск, люди требовались самые разные. Это было ясно <...> Коля был первоклассным мастером, и больше всего ему хотелось стать инженером и быстрее закончить строительство доменных печей. Я же был случайный человек, американец, которого судьба забросила в Магнитогорск и сделала здесь электросварщиком» [12, с. 26]. Картины, описанные Дж. Скоттом, узнаваемы по стихотворным строчкам советского поэта Б. А. Ручьева (в начале 1930-х гг. тогда еще паренька двадцати лет) из его «Песни о брезентовой палатке» («Мы жили в палатке с зелёным оконцем, промытой дождями, просушенной солнцем...») (1933) [13].

Уральский мир (например, Свердловск) производит на Дж. Скотта большое впечатление. Степень эмоциональности его открытия сравнима с высказыванием императрицы Екатерины II: «Мы думали <...> встретить медведей и вместо того мы встретили людей разумных <...> Мы думали, что в провинции едва знают азбуку, и вместо этого мы находим книги» («Антидот» [14]).

Дж. Скотт повторяет мысль: «... В Магнитогорске эти общенациональные явления приобрели еще и чисто специфические уральские черты» [12, с. 401]. «Специфические», то есть черты носителей уральского характера, обладающих особенной стойкостью, выдержкой в дни испытаний: «По мере того, как война распространялась всё дальше и дальше по Западной Европе, рабочие Магнитогорска и сотен других советских городов производили всё больше и больше продукции, а потребляли всё меньше. Необходимо было подготовиться к борьбе и разбить врага. Кто конкретно был этот враг, никто не знал» [12, с. 401].

Мемуары «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали» содержат ценнейшие сведения, дополняющие летопись 1930-х гг. (Э. Казакевич «В столице черной металлургии» [15], «Слово о Магнитке» [16]) новыми страницами о судьбе молодого поколения и его вкладе в укрепле-

ние индустриального могущества Родины.

Документально-публицистическая литература о людях уральского «склада»

Среди документально-публицистических произведений наше внимание привлекла книга Льва Лузина «Поколение-62». Автор, известный челябинский журналист, воплощая замысел в широком контексте («*срез проблем современной цивилизации*» [17, с. 2]), получает, с нашей точки зрения, замечательный результат – он выявляет уральскую идентичность в аспекте характеристики поколений. Биографически связанный с тюменской провинцией автор ищет и обретает смыслы идентичности в этно-географических истоках: «...*В этих краях, где текут реки Обь, Иртыш, Ишим, Тобол и моя родная Китерня, где много богатых рыбой озер и степь переходит в лес, полный грибов и ягод, живут добрые и немного упрямые люди, предки которых переехали сюда несколько веков назад со всех российских губерний и приютили в XIX веке ссыльных декабристов*» [17, с. 22]). Рецензент книги М. Загидуллина в своем вступлении «Эмоции как документ эпохи» отметила: «Здесь ведь даже не судьбы главное, а отношения. И дело не в том, кто чего добился, а в том, что, добившись, остался всё тем же “хорошим разгильдяем”». И вот эту-то систему человеческих отношений автор и называет Романтикой Поколения-62» [18, с. 6]. Л. Лузин воссоздает дух студенческого братства Уральского государственного университета в историях четырех студентов журфака («*этакое уральское “Биттлз”*» [17, с. 4]) он акцентирует такую черту уральцев, как причастность актуальным событиям жизни Свердловска-Екатеринбурга, СССР, Российской Федерации. Авторская логика выявления черт одного поколения (1962 г. р.) обусловлена литературоцентризмом мышления, привычкой соизмерять личный опыт с «*духовно-нравственной линией русской жизни*» [17, с.13]), в частности, с философскими построениями русских классиков (А. Радищев, В. Одоевский, А. Сухово-Кобылин, Ф. Достоевский). Судьбы людей Урала предстают в ореоле самобытности и одновременно широко: «... *Показать, как эти философские воззрения и черты русского характера находят отражение в моем поколении и в современной жизни России*» [17, с. 13]). Чертой ровесников-«хороших разгильдяев» (выражение Л. Лузина) можно считать их уральский «*наперекорный*» характер, способность критически мыслить, жить в духовном единстве людей своего поколения, переживающего переходное время вместе со своей страной.

В 2020-е появляются произведения об Урале, относящиеся к литературе прикладного характера (Ю. Зайцева «Железный пояс. Путешествия с Алексеем Ивановым» (2023) [19]). В своем эссе «Уральская Матрица» А. Иванов поставил задачу раскрыть «*подлинный смысл Урала*», его «*индустриальную идентичность*». К сожалению, писатель изначально не использовал категорию «характер», авторская логика оказалась за пределами уральского характера, а свою интерпретацию уральской идентичности А. Иванов обозначил в сухом тезисе: «...*История Урала сформировала очень специфические жизненные стратегии*» [19, с. 167].

Результаты исследования

Обратившись к проблеме уральской идентичности, мы проанализировали в произведениях художественной и документально-публицистической прозы XX–XXI вв. интерпретации черт уральского характера как модификации русского архетипа «русский характер».

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

1. Уральская тема ассоциируется с судьбой российской государственности. Урал – опора Государства Российского.

2. В произведении «Время, вперед!» в психологических характеристиках строителей Магнитогорска В. Катаев запечатлел момент рождения феномена магнитогорской идентичности. Магнитогорский характер формировался в атмосфере социалистического коллективизма, всенародного трудового подвига в ходе индустриализации Советской Страны в 1930-х гг.

3. Дж. Скотт в мемуарах «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали» описал коренных жителей и новых «уральцев». Он интерпретировал уральскую идентичность как особенность, обусловленную положением Урала между Востоком и Западом.

4. В документально-публицистической книге «Поколение-62» Л. Лузин выявляет смыслы уральской идентичности в этногеографических истоках, акцентирует причастность уральцев общественной жизни Свердловска (Екатеринбурга), СССР, Российской Федерации.

5. Признаками уральской идентичности в аспекте русского менталитета, стереотипов поведения становятся внешность, бытовые привычки, образ жизни, душевная открытость русских людей, стиль построения коммуникации. В категории «уральская идентичность» – и в этом мы согласны с другими исследователями, – заключены константы: «выдержка, сила воли, энергия», «крепкий характер» [2, с. 101], самоотверженный труд.

6. В области доминанты уральской идентичности отразились реалии времени, изображенного писателями XX–XXI вв. В характеристике «уральской идентичности» «уральская самобытность» уходит на второй план, а на первом плане оказывается способность носителей уральского характера критически мыслить, жить в уральском социуме в духовном единстве, переживать исторические события вместе со всей страной – Россией, СССР, Российской Федерацией.

Список источников

1. Terra-Лексикон: иллюстрированный энциклопедический словарь. М. : ТЕРРА, 1998. 672 с.
2. Баландина М. Б. Облик уральской провинции в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» // IX Ручьевские чтения. Динамика литературного процесса в контексте регионального пространства: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / ред. С. Л. Слободнюк, ред.-сост. М. Л. Бедрикова и др. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2011. С. 98–104.
3. Русские писатели. Биобиблиогр. словарь В 2 ч. Ч. 2. М–Я / редкол. Б. Ф. Егоров и др.: под ред. П. А. Николаева. М. : Просвещение, 1990. 448 с.
4. Дергачёв И. А. Пейзаж Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функции // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка 23–24 окт. 2002 г. / М-во образования РФ, Нижнетагил. гос. пед. ин-т. Нижний Тагил: НТГПИ, 2002. С. 38–56.
5. Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка 23–24 окт. 2002 г. / М-во образования РФ, Нижнетагил. гос. пед. ин-т. Нижний Тагил: НТГПИ, 2002. 194 с.
6. Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и россия // Развитие личности. 2014. № 4. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/troitse-sergieva-lavra-i-rossiya> (дата обращения: 20.11.2023).
7. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / 6-е изд. М. : Флинта; Наука, 2008. 320 с.
8. Твардовский А. Т. Поэмы. Избранная лирика. Фрунзе : Кыргызстан, 1974. 658 с.
9. Щедрина Н. М. Русская историческая проза в литературе последней трети XX века: учеб. пособие. Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1997. 132 с.
10. Мамин Дмитрий Наркисович // Русские писатели: биобиблиогр. слов. В 2 ч. Ч. 2. М–Я. / редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; под ред. П. А. Николаева. М. : Просвещение, 1990. С. 10–13.
11. Катаев В. П. Время, вперед! // Собрание сочинений. В 10 тт. Т. 2. М. : Худож. лит., 1983. С. 243–538.
12. Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М. : Родина, 2023. 416 с.
13. Ручьев Б. Песня о брезентовой палатке // Слово о Магнитке / сост. Н. Карташов. М. : Политиздат, 1979. С. 75–77.
14. Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. П. Пыпина. Т. 7. Антidot. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1901. 418 с. Электрон, копия печ. изд. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=71523 (дата обращения: 20.11.2023).
15. Казакевич Э. В столице черной металлургии // Слово о Магнитке / сост. Н. Карташов. М. : Политиздат, 1979. С. 141–143
16. Слово о Магнитке / сост. Н. Карташов. М. : Политиздат, 1979. 223 с.
17. Лузин Л. Н. Поколение-62. М.: Мелихово, 2010. 360 с.
18. Загидуллина М. Эмоции как документ эпохи // Лузин Л. Н. Поколение-62. М. : Мелихово, 2010. С. 3–5.
19. Иванов А. Уральская Матрица // Зайцева Ю. Железный пояс. Путешествия с Алексеем Ивановым / Проект Юлии Зайцевой. М. : «РИПОЛ классик», 2022. С. 167–189.

References

1. Terra-Leksikon: illyustrirovannyi entsiklopedicheskii slovar', Moscow, TERRA, 1998, 672 p.
2. Balandina M. B. Oblik ural'skoi provintsii v romane D. N. Mamina-Sibiryaka «Privalovskie milliony», IX Ruch'evskie chteniya. Dinamika literaturnogo protsesssa v kontekste regional'nogo prostranstva: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., red. S. L. Slobodnyuk, red.-sost. M. L. Bedrikova i dr., Magnitogorsk, Magnitogorskii Dom pechati, 2011, pp. 98–104.
3. Russkie pisateli. Biobibliogr. slovar' V 2 ch., Ch. 2. M–Ya, redkol. B. F. Egorov i dr., pod red. P. A. Ni-

kolaeva, Moscow, Prosveshchenie, 1990, 448 p.

4. Dergachev I. A. Peizazh D. N. Mamina-Sibiryaka: shkola, struktura, funktsii, Khudozhestvennoe, nauchno-publitsisticheskoe i pedagogicheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka v sovremennom mire: materialy region. nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Mamina-Sibiryaka 23–24 okt. 2002 g. / M-vo obrazovaniya RF, Nizhnetagil. gos. ped in-t, Nizhnii Tagil, NTGPI, 2002, pp. 38–56.

5. Khudozhestvennoe, nauchno-publitsisticheskoe i pedagogicheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka v sovremennom mire: materialy region. nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Mamina-Sibiryaka 23–24 okt. 2002 g. / M-vo obrazovaniya RF, Nizhnetagil. gos. ped. in-t, Nizhnii Tagil, NTGPI, 2002, 194 p.

6. Florenskii P. Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya, *Razvitie lichnosti = Development of personality*, 2014, no. 4, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/troitse-sergieva-lavra-i-rossiya> (date accessed: 20.11.2023). (In Russ.).

7. Sergeeva A. V. Russkie: stereotypy povedeniya, traditsii, mental'nost', 6-e izd., Moscow, Flinta; Nauka, 2008, 320 p.

8. Tvardovskii A. T. Poemy. Izbrannaya lirika, Frunze, Kyrgyzstan, 1974, 658 p.

9. Shchedrina N. M. Russkaya istoricheskaya proza v literature poslednei treti KhKh veka: ucheb. posobie, Ufa, Izd-vo Bashkirskogo un-ta, 1997, 132 p.

10. Mamin Dmitrii Narkisovich, Russkie pisateli: biobibliogr. slov. V 2 ch., Ch. 2. M–Ya, redkol.: B. F. Egorov i dr., pod red. P. A. Nikolaeva, Moscow, Prosveshchenie, 1990, pp. 10–13.

11. Kataev V. P. Vremya, vpered!, Sbranie sochinenii, V 10 tt., T. 2, Moscow, Khudozh. lit., 1983, pp. 243–538.

12. Skott Dzh. Za Uralom. Amerikanskii rabochii v russkom gorode stali, Moscow, Rodina, 2023, 416 p.

13. Ruch'ev B. Pesnya o brezentovoi palatke, Slovo o Magnitke, sost. N. Kartashov, Moscow, Politizdat, 1979, pp. 75–77.

14. Sochineniya Imperatritsy Ekateriny II na osnovanii podlinnykh rukopisei i s ob"yasnitel'nymi primechaniyami akademika A. P. Pypina, T. 7, Antidot, Sankt-Peterburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1901, 418 p., URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=71523 (date accessed: 20.11.2023).

15. Kazakevich E. V stolitse chernoii metallurgii, Slovo o Magnitke, sost. N. Kartashov, Moscow, Politizdat, 1979, pp. 141–143.

16. Slovo o Magnitke, sost. N. Kartashov, Moscow, Politizdat, 1979, 223 p.

17. Luzin L. N. Pokolenie-62, Moscow, Melikhovo, 2010, 360 p.

18. Zagidullina M. Emotsii kak dokument epokhi, Luzin L. N. Pokolenie-62, Moscow, Melikhovo, 2010, pp. 3–5.

19. Ivanov A. Ural'skaya Matritsa, Zaitseva Yu. Zheleznyi poyas. Puteshestviya s Alekseem Ivanovym, Proekt Yulii Zaitsevoi, Moscow, "RIPOL klassik", 2022, pp. 167–189.

Информация об авторе

Бедрикова М. Л. – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Information about the author

Bedrikova M. L., Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Literary Studies Department, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 02.12.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 02.12.2023; accepted for publication 04.12.2023.